

Научная статья
УДК 94(47)"1700/1800":94(4+7)
DOI 10.20310/1810-0201-2022-27-5-1283-1295

Денежное довольствие пленных офицеров в России и странах Запада в XVIII веке

Виталий Витальевич ПОЗНАХИРЕВ

ЧУОО ВО «Университет «Реавиз»

199098, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Калинина, 8-2, лит. А
vvkr@list.ru

Аннотация. Вопросы денежного содержания пленных офицеров в войнах XVIII века еще никогда и нигде не становились предметом специального исследования. Между тем изучение названных вопросов могло бы способствовать расширению наших знаний о месте России в мире в раннее Новое время, а также установлению неизвестных ранее особенностей развития страны, детерминированных петровскими преобразованиями. Сказанное говорит об актуальности настоящей работы и предопределяет ее цель: реконструировать и сопоставить отечественную и зарубежные практики материального обеспечения офицеров противника за счет средств бюджета держащей в плену державы на всем протяжении XVIII века. Методологическую базу исследования составили, главным образом, историко-сравнительный и историко-типологический методы. Предложена периодизация процесса эволюции денежного довольствия пленников в различных странах. Выявлены и систематизированы отличительные признаки каждого периода. Установлено, что в XVIII веке на Западе содержание офицеров противника прошло путь от удовлетворения первоочередных потребностей лишь отдельных лиц, из числа особо нуждающихся, до регулярной и ничем не обусловленной выдачи абсолютно всем пленникам постоянного денежного пособия, равного минимальному жалованию военнослужащих того же ранга собственной армии. Доказано, что в исследуемых хронологических рамках российская модель материального обеспечения пленных офицеров практически ничем не уступала западной, а в некоторых аспектах на десятилетия опережала последнюю.

Ключевые слова: вексель, военнопленные, гарнизонные войска, держащая в плену держава, жалование, заем, картель, Московское государство

Для цитирования: Познахирев В.В. Денежное довольствие пленных офицеров в России и странах Запада в XVIII веке // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 27, № 5. С. 1283-1295. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-5-1283-1295>

Monetary allowance of captured officers in Russia and Western countries in the 18th century

Vitalii V. POZNAKHIREV

“Reaviz” University

Ent. A Bldg. 2, 8 Kalinin St., St. Petersburg 199098, Russian Federation

vvkr@list.ru

Content of the journal is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)
Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

© Познахирев В.В., 2022

Abstract. The issues of monetary maintenance of captured officers in the wars of the 18th century have never and nowhere been the subject of special research before. Meanwhile, the study of these issues could contribute to the expansion of our knowledge about Russia’s place in the world in the early Modern period, as well as the establishment of previously unknown features of the country’s development determined by Peter the Great’s transformations. The above indicates the relevance of this work and determines its purpose: to reconstruct and compare domestic and foreign practices of material support for enemy officers at the expense of the budget of the captive power throughout the 18th century. The methodological basis of the study consisted mainly of historical-comparative and historical-typological methods. We present a periodization of the evolution of the monetary allowance of prisoners in various countries. The distinctive features of each period are identified and systematized. It is established that in the 18th century in the West, the maintenance of enemy officers went from meeting the primary needs of only individuals from among those in special need, to the regular and unconditional issuance of a permanent monetary allowance equal to the minimum salary of servicemen of the same rank of their own army. It is proved that in the studied chronological framework of the Russian model of material support for captured officers was practically in no way inferior to the Western one and in some matters was ahead of it for decades.

Keywords: promissory note, prisoners of war, garrison troops, detaining power, salary, loan, cartel, Moscow state

For citation: Poznakhirev V.V. Denezhnoye dovol’stviye plennykh ofitserov v Rossii i stranakh Zapada v XVIII veke [Monetary allowance of captured officers in Russia and Western countries in the 18th century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2022, vol. 27, no. 5, pp. 1283-1295. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-5-1283-1295> (In Russian, Abstr. in Engl.)

ВВЕДЕНИЕ

Раннее Новое время ознаменовалось, наряду с прочим, и коренной перестройкой всей европейской модели военного плена. Данный процесс сопровождался отказом от многих средневековых положений и норм, в том числе и от императива «пленные офицеры содержат себя за собственный счет». В

XVIII веке его сменил совершенно иной подход, предполагающий довольствие названных лиц *из бюджета держащей в плену державы*. Очевидно, что значение этого нововведения трудно переоценить, поскольку благодаря ему офицеры, наконец-то, избавились от необходимости самостоятельно изыскивать себе средства к жизни.

Вместе с тем, обращаясь к российской и западной историографии, мы обнаруживаем, что вопросы, связанные с генезисом и эволюцией указанного довольствия, порядком его назначения, а также составом, размерами, условиями выплаты и т. д., еще никогда не становились предметом специального исследования, а если и освещались некоторыми учеными, то лишь фрагментарно и (или) в рамках отдельных вооруженных конфликтов [1–4].

Сказанное свидетельствует о новизне исследования и предопределяет ее цель: реконструировать и сопоставить отечественную и зарубежные практики денежного обеспечения плененных офицеров на всем протяжении XVIII века. Актуальность исследования состоит в том, что она может способствовать расширению наших знаний о месте России в мире в раннее Новое время, а также установлению неизвестных ранее особенностей развития страны, детерминированных петровскими преобразованиями.

Объектом исследования выступают офицеры, а точнее – командиры среднего и старшего звена европейских и османской армий (включая вооруженные формирования вассальных Порте автономных образований и племенных союзов), находившиеся во власти противника в войнах XVIII столетия. Предмет исследования – порядок и правила регулярной выдачи указанным лицам постоянного пособия (в том числе и в натуральной форме) из средств бюджета держащей в плену державы (все иные возможные источники существования пленного, как-то: жалование, поступившее ему от собственного правительства; материальная помощь родственников; полученные под вексель займы и другое – упоминаются лишь в целях более полного раскрытия ее предмета).

Методологическую базу исследования составили системный подход в сочетании с историко-типологическим, историко-сравнительным и историко-ситуационным методами. При написании исследования были использованы труды российских и иностранных ученых, опубликованные источники, а также документы восьми архивохранилищ бывшего СССР.

ДЕНЕЖНОЕ ДОВОЛЬСТВИЕ В СТРАНАХ ЗАПАДА

В первую очередь, подчеркнем, что на заре раннего Нового времени содержать себя в плену за свой счет должны были не только офицеры, но и солдаты. Реализовывалось это путем перечисления пленникам их обычного жалования из казны того государства, которому они служили. Другими словами, европейские монархи считали необходимым поддерживать одинаковый уровень жизни своих подданных и тогда, когда те защищали их интересы с оружием в руках, и тогда, когда они оказывались в неволе (дабы эти люди, подготовка и снаряжение которых стоили немалых средств, не перешли на службу к врагу).

Однако ввиду очевидных для военного времени сложностей с коммуникациями, почти неизбежного для воюющей страны дефицита бюджета и ряда иных причин, указанный способ финансирования не всегда гарантировал полного и своевременного обеспечения пленников. Наиболее оптимальным выходом из сложившейся ситуации стало взаимное принятие сторонами конфликта рядовых и унтер-офицеров противника под свое покровительство. Выражалось оно, как правило, в довольствии названных лиц пищей и (или) деньгами на приобретение таковой наравне с нижними чинами собственной армии.

Данный порядок обеспечения солдат, в общих чертах, оформился не позднее середины XVII века. Что же касается офицеров, то они еще долгие годы продолжали содержать себя в плену за свой счет. О том, как это могло выглядеть, можно судить по некоторым письменным соглашениям воюющих сторон. Например, картель между Францией и Аугсбургской лигой, заключенный 29 декабря 1690 г., то есть в ходе войны за Пфальцское наследство 1688–1697 гг., предусматривал, что «все пленные нижние чины <...> должны получать в день на питание сумму, эквивалентную трем французским солям <...>, и солдатский хлебный паек <...>. Офицеров можно содержать так, как

стороны признают нужным, с учетом их платежеспособности»¹.

Отмеченное различие мы объясняем взаимодействием двух групп факторов:

а) солдаты заслуживали первостепенного внимания уже потому, что в сравнении с офицерами являлись более многочисленной и менее защищенной категорией военнопленных. Кроме того, они подлежали обязательному привлечению к труду, а значит, еще в ходе войны могли компенсировать (хотя бы частично) понесенные на них траты из своего заработка;

б) офицеры же в свою очередь:

– отличались достаточно высоким уровнем денежного довольствия, почему и регулярные выплаты им жалования в полном (или в близком к нему) объеме могли стать бременем для бюджета воюющего государства;

– имели возможность самостоятельно удовлетворять свои финансовые потребности, так как, будучи носителями элитарного статуса, априори выглядели надежными заемщиками в глазах кредиторов из числа юридических и физических лиц державшей в плену державы.

Последнее могло быть реализовано примерно следующим образом: оказавшись во власти противника без средств к существованию, офицер находил работодателя, выписывал вексель и получал на него деньги, а долг возмещал после поступления ему очередного жалования от своего правительства. Судя по всему, такой механизм «самообеспечения» устраивал все заинтересованные стороны, поскольку: а) держащая в плену держава избавлялась от лишних расходов; б) государство, которому офицер служил, могло не торопиться с перечислением ему денежных средств; в) а сам пленник приобретал возможность поддерживать привычное для него качество жизни.

¹ A True Copy of the Original Cartel Agreed on Betwixt the Allies And The French King for the Exchange or Ransom of Prisoners from the General or Marechal of France, Down to the Private Centinel. (Electronic reproduction. Ann Arbor, Michigan: UMI, 1999). L.: Printed, and sold by J. Whitlock, 1695. P. 2.

Вместе с тем среди пленных всегда находились и те, кто либо не сумел продать свой вексель (а равно найти поручителей), либо не пожелал этого делать. Судьба таких офицеров могла складываться по-разному. В одних случаях им вообще не назначали никакого пособия, фактически вынуждая добывать себе пропитание любым легальным способом. Столь жесткое отношение могло стать следствием нежелания властей обеспечивать пленного, о котором не побеспокоилось его собственное правительство. Но чаще оно детерминировалась упадком экономики государства, вызванным бременем военных расходов и(или) такими событиями и явлениями, как: социальные потрясения, эпидемии, блокада портов и т. п. Например, в ходе Войны за испанское наследство 1701–1714 гг. полный отказ от довольствия офицеров отмечался во Франции, где вследствие неурожая разразился острейший финансовый кризис [5, p. 8].

В других случаях власти державшей в плену державы все-таки предоставляли несостоятельным офицерам хоть какие-то средства к жизни (разумеется, в счет их будущего жалования). И делалось это не только по соображениям гуманности, но и из опасения за благополучие уже своих военнослужащих, находящихся во власти врага, так как последний мог ответить ужесточением режима их интернирования. Очевидно, что второй подход был куда более распространен, нежели предыдущий. К тому же он позволял отложить все взаиморасчеты до окончания войны. Это хорошо видно, например, из требований пункта 14 § 1 Мирного договора между Речью Посполитой и Швецией от 23 апреля 1660 г., согласно которому пленные офицеры обеих сторон должны были до возвращения на родину не только рассчитаться по своим долгам, но и «оплатить расходы на собственное содержание (курсив наш. – В. П.)»².

² A General Collection of Treaties, Declarations of War, Manifestos, and Other Public Papers Relating to Peace and War: in 4 vols. The second edition. L.: Printed for J.J. and P. Knapton, J. Darby, D. Midwinter, 1732. Vol. 1. P. 215.

К сказанному остается добавить, что наиболее радикальные изменения в порядке и правилах обеспечения пленников из числа офицеров произошли именно в XVIII веке. И процесс этот можно условно дифференцировать на три этапа, хронологические рамки которых мы определяем следующим образом:

- а) первый – с 1700 г. до начала 40-х гг.;
- б) второй – от начала 40-х до середины 80-х гг.;
- в) третий – с середины 80-х гг. до конца столетия.

Рассмотрим перечисленное детальнее.

1. На начальном этапе довольствие офицеров, не имеющих денежных средств, традиционно зависело от усмотрения властей державы в плену державы. Например, правительство Швеции в период Северной войны 1700–1721 гг. выдавало финансово несостоятельным офицерам обычное солдатское жалование. Правда, не всем, а лишь тем из них, которые либо признавались «особо нуждающимися», либо соглашались отказаться от своих офицерских привилегий [то есть прав на: свободу передвижения и выбор места жительства (в границах пункта интернирования), ношение оружия, участие в разного рода мероприятиях и пр.] и фактически перейти на положение нижних чинов [2, с. 63–64; 6, р. 18, 30, 35, 38, 41; 7, р. 249]. Власти Дании в годы той же Северной войны относились к таким пленникам несколько мягче и довольствовались их наравне с унтер-офицерами собственной армии (впрочем, офицера, покушавшегося на побег, датчане переводили на содержание рядового и, кроме того, лишали его права на ношение шпаги) [6, р. 64]. По-своему рассматриваемая проблема решалась и в Испании. Здесь в ходе Войны за испанское наследство 1701–1714 гг. и в начальный период Войны за Австрийское наследство 1740–1748 гг. пленным офицерам ежедневно отпускали лишь хлеб по солдатской норме, составлявшей 1,5 (испанских) фунта (675 г.). Однако, начиная с 1741 г., им стали выдавать еще и поденные деньги в сумме 8,5 кuarto, то есть 1 реал (для сравнения, унтер-офицер тогда же начал получать

8 кuarto, а рядовой – 5 кuarto) [4, р. 171; 8, р. 42–44].

Как видно из перечисленного, на данном этапе материальное обеспечение офицеров было довольно скромным и не зависело ни от их воинских званий, ни от занимаемых ими должностей. Кроме того, размер жалования порой связывался с объемом офицерских привилегий, а сокращение и даже полное упразднение последних могло стать и мерой дисциплинарной ответственности пленного, и инструментом понижения его статуса.

2. На втором этапе практика отпуска офицерам натурального довольствия значительно сократилась. К тому же выплата им жалования больше не обуславливалась отказом от привилегий, а уровень денежных пособий, как правило, оставался неизменным даже при совершении пленником правонарушения.

Взаимная обязанность воюющих содержать из средств своего бюджета не только солдат, но и офицеров противника теперь все чаще предусматривалась двусторонними соглашениями (картелями или отдельными договорами). Более того, названные акты закрепляли и конкретные суммы офицерского жалования, которые еще и заметно возросли. Так, англо-испанский картель от 23 февраля 1742 г. устанавливал, что пленные офицеры должны ежедневно получать по 1 шиллингу в Англии и по 2,5 реала в Испании (к слову, для солдат тогда было предусмотрено вдвое меньшее пособие, то есть по 6 пенсов и 85 мараведи соответственно) [4, р. 171; 9, р. 61]. Тот же, по сути, подход сохранился и в период Семилетней войны 1756–1763 гг. Например, согласно аналогичному англо-французскому соглашению, офицерам ежедневно выдавалось по 30 солей во Франции и по 1 шиллингу в Англии [3, р. 5–6]. Но куда более прогрессивным выглядел русско-прусский картель от 4 (15) октября 1759 г., предполагающий содержание всех военнопленных «по тому жалованию, которое они в службе своей получали»³. Иными словами,

³ Санкт-Петербургские ведомости. 1759. 5 нояб. Прибавление. С. 27–28.

договор предусматривал выплату пленникам их обычных окладов, а не каких-либо согласованных сумм.

Вместе с тем на рассматриваемом этапе жалование офицеров по-прежнему не зависело от их воинских званий и занимаемых должностей. Во многих случаях сохраняли свое значение и такие традиционные принципы, как: «платить только нуждающимся» и «каждый должен возместить расходы на свое содержание». Это хорошо видно, например, из Резолюции Второго Континентального конгресса от 21 мая 1776 г., то есть акта, принятого в ходе Войны за независимость США 1775–1783 гг. Как гласят пункты 2 и 5 названной Резолюции, пленные «офицеры содержат себя за собственный счет», но «если они не смогут выставить или продать свои векселя, Конгресс разрешает выдавать каждому из них по 2 доллара в неделю <...>. И эти деньги должны быть возвращены офицерами до их репатриации»⁴.

В целом, второй этап ознаменовался применением самых разных моделей довольствия пленных – от новаторских до традиционных. Правда, примеров градации жалования в соответствии с местом офицера в служебной иерархии в эти годы почти не наблюдалось. Тем не менее данный этап был отмечен существенным улучшением материального положения финансово необеспеченных пленных, что стало следствием все большей гуманизации войны и ускоренного развития национальных экономик.

3. Главная особенность заключительного этапа состояла в том, что офицеры начали получать такие же оклады, как и равные им в чине военнослужащие держащей в плену державы [10, p. 97].

Начало этому процессу положил, по видимому, договор о дружбе и торговле между Пруссией и США от 10 сентября 1785 г. Как следует из его статьи 24, пленные офицеры должны были обеспечиваться всеми

видами довольствия наравне с «офицерами того же ранга собственной армии»⁵. Правда, авторы соглашения не учли тот факт, что жалование офицеров одного ранга, но принадлежащих к разным видам вооруженных сил (армия и флот) или разным родам войск (кавалерия, артиллерия и т. д.), может быть далеко не одинаковым. Вероятно, по этой причине Национальный Конвент Франции в статье V своего Декрета от 4 мая 1792 г. предусмотрел, что пленным надлежит выдавать «такое же содержание, как и равным им в чине военнослужащим французской пехоты», то есть самого «низкооплачиваемого» рода войск⁶.

Характерно, что этот новый подход удалось применить и к командному составу *нерегулярной* оттоманской армии. Например, в Австрии в период Австро-турецкой войны 1787–1791 гг. для пленных офицеров был составлен ранжированный перечень денежных пособий, основанный на системе чинов, существующих в Османской империи [11, p. 424-425].

Завершая рассмотрение иностранного опыта, считаем необходимым подчеркнуть, что порядок обеспечения пленников, установленный договором между Пруссией и США от 10 сентября 1785 г. и Декретом Национального Конвента от 4 мая 1792 г., в конечном итоге получил наибольшее признание. С теми или иными вариациями он просуществовал на протяжении всего XIX века, а позднее был закреплен и в статье 17 Гаагской конвенции от 18 октября 1907 г. «О законах и обычаях сухопутной войны», и в статье 23 Женевской конвенции от 27 июля 1929 г. «Об обращении с военнопленными»⁷

⁵ The Treaty of Amity and Commerce between the Kingdom of Prussia and the United States of America. 1785. September 10. URL: https://avalon.law.yale.edu/18th_century/prus1785.asp (accessed: 12.05.2022).

⁶ Décret de l'Assemblée nationale, du 4 mai 1792, l'an quatrième de la liberté. URL: <https://intertextualhub.uchicago.edu/navigate/revlawallhub/34/30?byte=111262> (accessed: 18.05.2022).

⁷ «О законах и обычаях сухопутной войны». Гаагская конвенция от 18 октября 1907 г. // Документы по международному гуманитарному праву и другие документы, относящиеся к ведению военных действий. М.:

⁴ Journals of the Continental Congress, 1774–1789. Edited from the original records in the Library of Congress: in 34 vol. Washington: Government printing office, 1906. Vol. 4. P. 372.

(ныне действующая одноименная Женевская конвенция от 12 августа 1949 г. предусматривает несколько иные правила выплаты жалования пленникам).

ДЕНЕЖНОЕ ДОВОЛЬСТВИЕ В РОССИИ

Прежде чем говорить о XVIII столетии, считаем нужным обратить внимание на наиболее характерные черты содержания пленных офицеров в Московском государстве. К числу таковых мы относим следующие:

а) всем «начальным людям» ежедневно отпускалось «на корм» от 2 до 5 коп. (стр. 1 табл. 1). Точная сумма в каждом отдельном случае устанавливалась российскими властями. Правда, какими критериями при этом руководствовались последние, — остается неясным. Но есть основания полагать, что размер пособия не зависел от воинского звания или служебного положения пленника, а равно от наличия или отсутствия у него собственных средств;

б) помимо денег офицерам предоставлялось и натуральное довольствие, которое в служебных документах обозначено термином «питье». Однако его наименование и объем нам установить не удалось;

в) в целях сокращения расходов на пленных государство эпизодически налагало на Церковь и своих наиболее состоятельных подданных своеобразную повинность. Выражалась она в том, что некоторых офицеров содержали «на корму в монастырях», а также «раздавали» «добрым людям держати»⁸. При этом и монастырские общины, и «добрые люди» обязаны были кормить пленников безвозмездно (впрочем, с интересами частных лиц власти, очевидно, считались, так как

Международ. Комитет Красного Креста, 2010. С. 18-34; Об обращении с военнопленными: Женевская конвенция от 27.07.1929. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Женевская_конвенция_об_обращении_с_военнопленными_\(1929\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Женевская_конвенция_об_обращении_с_военнопленными_(1929)) (дата обращения: 19.07.2022).

⁸ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи: в 4 т. Спб.: Тип. II Отд. Собствен. Е.И.В. Канцелярии, 1836. Т. 4. С. 191; Сборник Русского исторического общества: в 148 т. Спб.: Тип. Ф. Елеонского и Ко, 1887. Т. 59. С. 120.

офицеров время от времени перепоручали новым «добрым людям», «дабы одним пред другими отягощения не было»⁹.

Обобщая изложенное, можно утверждать, что в Московском государстве функционировала самостоятельная модель довольствия пленных. От европейских образцов она отличалась самобытными практиками, широтой чиновничьего усмотрения и ярко выраженным патерналистским началом. Однако главную ее особенность мы видим в том, что она предусматривала *регулярный и ничем не обусловленный отпуск всем офицерам постоянного пособия* как в денежной, так и натуральной формах.

Возвращаясь в хронологические рамки исследования, отметим, что на протяжении XVIII века в России, как и на Западе, порядок и правила материального обеспечения офицеров прошли в своем развитии три этапа, а именно:

а) первый начался в 1700 г. и завершился примерно в 1740-е гг.;

б) второй охватывал 1750–1770-е гг.;

в) третий продолжался с 1780-х гг. до конца столетия.

Рассмотрим перечисленное детальнее.

1. В контексте исследуемой темы Северную войну 1700–1721 гг. (стр. 2 табл. 1) мы дифференцируем на два периода, условной границей между которыми выступает 1709 г. Несмотря на то, что в первый период Стокгольм регулярно перечислял своим пленным офицерам причитающееся им жалование, российские власти не оставляли названных лиц без своего попечения. Выражалось оно, главным образом, в отпуске шведам солдатского провианта, а также в эпизодической выдаче им под вексель денежных средств. Причем последнее напоминало скорее массовую раздачу кредитов, размер которых ограничивался лишь воинским званием пленника. Так, в апреле 1709 г. всем находившимся в Москве шведам (более 2 тыс. человек, в том числе 353 офицера) было выделено для заимствования свыше 12 тыс. руб.

⁹ РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 248. Оп. 7. Ед. хр. 418. Л. 541.

Таблица 1

Эволюция денежного довольствия военнопленных в России в ходе основных вооруженных конфликтов XVII–XVIII веков (в пересчете на сутки)

Table 1

The evolution of the monetary allowance of prisoners of war in Russia during the main armed conflicts of the 17th–18th centuries (in conversion to one day)

№ п/п	Наименование и хронологические рамки конфликта	Размер довольствия (в коп.)		
		Штаб-офицеры	Обер-офицеры	Нижние чины ^{а)}
1	2	3	4	5
1	Войны России XVII столетия	2–5		1–2
2	Северная война 1700–1721 гг.	Не предусмотрено		1–2
3	Война за польское наследство 1733–1735 гг.			4
4	Русско-турецкая война 1735–1739 гг.	5		3
5	Русско-шведская война 1741–1743 гг.	Не предусмотрено		2,5–3
6	Семилетняя война 1756–1763 гг.	20 ^{б)}		3–5,5
7	Война с Барской конфедерацией 1768–1772 гг.	15		3
8	Русско-турецкая война 1768–1774 гг.	10–20	5–10	3
9	Русско-турецкая война 1787–1791 гг.	20–50	10–15	7,5
10	Русско-шведская война 1788–1790 гг.	55–110	19–37	6–8

Примечания: а) суммы, указанные в гр. 5, приведены с учетом денежной компенсации, выдаваемой нижним чином взамен провианта; б) 20 коп. в день офицеры получали до октября 1759 г. и с марта 1760 г. В остальное время они довольствовались по своему «окладному жалованию», как это и предусматривал русско-пруссский картель от 4 (15) октября 1759 г.

Источники: РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1329. Оп. 1. Ед. хр. 90. Л. 476; Оп. 3. Ед. хр. 67. Л. 283; РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 1; Ф. 248. Оп. 3. Ед. хр. 503. Л. 70, 107–108; Оп. 7. Ед. хр. 410. Л. 56, 159; Оп. 67. Ед. хр. 5951. Л. 212, 217; РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 1853. Л. 52; Ед. хр. 1855. Л. 9; Ед. хр. 1862. Л. 7; Ед. хр. 1891. Л. 54–55; Ф. 39. Оп. 1. Ед. хр. 267. Л. 25; Ед. хр. 430. Л. 34; РГА ВМФ (Российский государственный архив Военно-Морского флота). Ф. 212. Оп. 11. 1743 г. Ед. хр. 14. Л. 9–10; Ф. 245. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 431; ЦГИАК Украины (Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве). Ф. 54. Оп. 3. Ед. хр. 5013. Л. 8; Ф. 1709. Оп. 2. Ед. хр. 1229. Л. 2–3; ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. 26. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 370; ГАПО (Государственный архив Псковской области). Ф. 74. Оп. 1. Ед. хр. 298. Л. 14; Ед. хр. 300. Л. 6–7; Акты Московского государства. Разрядный приказ: Московский стол: в 3 т. Спб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1890. Т. 1. С. 450, 583; 1894. Т. 2. С. 21, 401, 444, 634; 1901. Т. 3. С. 1–2.

Из этой суммы каждый подполковник, в частности, мог занять до 160 руб., капитан – до 24 руб., прапорщик – до 12 руб. и т. д. (Для сравнения: унтер-офицерам тогда же была предоставлена возможность получить до 4 руб., а рядовым – до 1 руб. 60 коп.)¹⁰.

Второй период стал полной противоположностью предыдущему. В первую очередь потому, что слабеющая экономика Швеции уже не позволяла направлять своим пленным достойную материальную помощь. Что же касается России, то Петр I еще в 1707 г. запретил обеспечивать офицеров продуктами

«понеже нашим пребывающим в Стокгольме полоняникам никому ничего не дают», а два года спустя вообще прекратил оказывать шведам всякое организованное вспомоществование¹¹. Правда, в литературе высказывается мнение, что после Полтавской победы (1709 г.) царь якобы установил всем пленным офицерам такое же жалование, которое полагалось равным им в чине российским военным служащим [1, с. 3]. Но, по нашим оценкам, это не более, чем легенда, ибо распоряжения такого рода касались лишь

¹¹ Письма и бумаги императора Петра Великого: в 13 т. Спб.: Гос. тип., 1907. Т. 5. С. 100; Москва; Ленинград: АН СССР, 1952. Т. 9. Вып. 2. С. 970–971.

¹⁰ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1709 г. Ед. хр. 9. Л. 2–4.

отдельных шведов, желающих перейти на русскую службу¹².

Обобщая изложенное, мы приходим к выводу, что в первые годы Северной войны российские власти искали новые формы организации довольствия пленных и одновременно пытались сохранить основы патриархального порядка, унаследованного от Московского государства. Однако в условиях затяжного вооруженного конфликта, совпавшего с глубокой модернизацией страны, эта политика оказалось бесперспективной, что и сделало неизбежным переход к принципу «офицер содержит себя за свой счет». Сам по себе указанный переход не противоречил ни обычаям, ни практике начала XVIII века. Но он не сопровождался выработкой мер поддержки особо нуждающихся офицеров, что ставило этих людей в сложное положение. Конечно, подав прошение на высочайшее имя, последние всегда имели шанс получить от государства пособие, но только лишь *единовременное*.

Куда успешнее проблема необеспеченных пленников решалась в ходе Войны за польское наследство 1733–1735 гг. (стр. 3 табл. 1). Здесь, при сохранении принципа «офицер содержит себя за собственный счет», всем нуждающимся предоставили возможность ежедневно брать из российской казны своего рода «микрозаймы» в размере, не превышающем 10 коп.¹³ При этом особо оговоримся, что желаемая сумма выдавалась по личному прошению офицера и оформлялась именно как заем, а не поденное денежное довольствие.

Что же касается последнего, то его регулярный отпуск возобновился (если вести отсчет от эпохи Московского государства) лишь в период Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. (стр. 4 табл. 1). Правда, до 1738 г. российские власти опробовали самые разные нормы обеспечения пленных офицеров, а именно: а) только солдатский провиант;

б) 2 коп. с провиантом; в) 2 коп. без провианта; г) 4 коп. с провиантом и др.¹⁴ Но окончательный выбор был сделан в пользу «пятикопеечной дачи без провианта», которая предоставлялась независимо от служебного разряда пленника, а также наличия или отсутствия у него собственных средств. Конечно, названная сумма существенно уступала жалованию даже прапорщика гарнизонных войск (8 коп.), то есть самого младшего офицера самой «низкооплачиваемой» части российских вооруженных сил (гр. 8 стр. 2 табл. 2). Однако необходимо иметь в виду, что турки могли дополнительно брать из казны держащей в плену державы как «микрозаймы» (до 6 коп. в день), так и обычные займы под вексель в размере до 300 руб.¹⁵ Последние, правда, рекомендовалось выдавать лишь тем, кто «познатнее». Но на практике это условие соблюдалось не слишком строго, особенно если речь шла о суммах не свыше 10 руб.¹⁶

Таким образом, к концу 30-х гг. XVIII века Россия не только восстановила присущий ей ранее регулярный и ничем не обусловленный отпуск *всем* офицерам постоянного денежного пособия, но и дополнила его альтернативными формами организованной материальной поддержки пленников.

Русско-шведскую войну 1741–1743 гг. (стр. 5 табл. 1) для целей нашего исследования мы дифференцируем на два периода, граница между которыми приходится на весну 1742 г. В первый период действовал порядок, установленный Иваном VI (вернее, Анной Леопольдовной). Согласно ему офицеры получали на тыловом сборном пункте военнопленных займы под вексель в том размере, «который они желали», а по прибытии к месту интернирования распределялись «по знатым домам», то есть, как и в XVII веке, пе-

¹² Письма и бумаги императора Петра Великого: в 13 т. Москва; Ленинград: АН СССР, 1950. Т. 9. Вып. 1. С. 297.

¹³ РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 1.

¹⁴ АВПРИ (Архив внешней политики Российской империи). Ф. 89. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 3; Ед. хр. 50. Л. 66, 72; ЦГИАК Украины. Ф. 59. Оп. 1. Ед. хр. 739. Л. 29; Ед. хр. 802. Л. 76.

¹⁵ РГВИА. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 1853. Л. 13.

¹⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Ед. хр. 502. Л. 263.

редавались «добрым людям», обязанным обеспечивать их пищей¹⁷.

Однако весной 1742 г. новая императрица Елизавета Петровна, по каким-то не до конца проясненным причинам, фактически вернулась к практике своего августейшего родителя. Если говорить конкретнее, то пленных перевели на квартиры простых обывателей, лишили натурального довольствия и обязали «быть на собственном пропитании»¹⁸. При этом никаких способов материальной помощи финансово несостоятельным офицерам опять же предусмотрено не было. Впрочем, мотивированные прошения последних российские власти, как и в начале столетия, не оставляли без внимания и эпизодически выдавали пленным единовременные пособия в сумме от 12 до 30 руб.¹⁹ Кроме того, Военная коллегия могла безвозмездно снабдить неимущих обмундированием, а осенью 1742 г. даже поднимала вопрос о необходимости назначить таким пленникам постоянное жалование на уровне шведского унтер-офицера (2 коп. в день). Но Сенатом последнее предложение одобрено не было²⁰.

Обобщая изложенное, мы приходим к выводу, что основным содержанием первого этапа стало противоречие между моделью, которую Россия пыталась заимствовать на Западе, и традиционной практикой Московского государства. И противоречие это не удалось до конца разрешить ни путем частичного изменения прежних правил, ни за счет внедрения новых форм материальной поддержки пленников.

2. Как видно из данных стр. 6–8 табл. 1, на втором этапе Петербург вернулся (теперь уже окончательно) к регулярному и безусловному обеспечению всех офицеров постоянным денежным содержанием за счет казны. Кроме того, в России, как и на Западе,

факты выдачи пленным натурального довольствия стали исключением²¹, а конкретные суммы офицерских пособий оказались предметом двустороннего соглашения – уже упоминаемого русско-прусского картеля от 4 (15) октября 1759 г. (правда, это был единственный картель, заключенный Россией в XVIII веке, и действовал он лишь до марта 1760 г.).

Не менее значимыми представляются еще две новации, отраженные в графах 3 и 4 стр. 8 табл. 1 и явно направленные на соблюдение принципа справедливости. Во-первых, денежное обеспечение пленников стало зависеть от стоимости продуктов питания в местах их расквартирования. Проще говоря, если в «дешевом» Курске условный прапорщик получал 5 коп. в день, то в «дорогой» Нарве уже 10 коп.²² А во-вторых, была предпринята попытка дифференцировать жалование штаб- и обер-офицеров. Попытку эту, конечно, трудно назвать удачной, поскольку большинство российских военных чинов слабо ориентировалось в «табели о рангах» Османской империи (почему Коллегии иностранных дел не было поручено дать армии на сей счет необходимые разъяснения – остается загадкой). В итоге пленный нередко признавался штаб-офицером либо на основании субъективного усмотрения того или иного должностного лица, либо вследствие своего умения убедить русских в том, что «пред прочими содержащимися здесь старшинами» он имеет «большую знатность и преимущество» и, вообще, «все они были под его командой»²³.

Отдельного внимания заслуживает очевидное несоответствие минимальных пособий пленников различной государственной принадлежности. Комментируя данный факт, отметим следующее:

а) поденное содержание пруссакам (20 коп.) Петербург установил, руководствуясь, в первую очередь, принципом взаимности, а вернее, тем фактом, что русским офи-

¹⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Ед. хр. 503. Л. 70; Сборник Русского исторического общества: в 148 т. Спб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1894. Т. 91. С. 275; Тип. А. Траншеля, 1896. Т. 96. С. 410.

¹⁸ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. 1743. Ед. хр. 14. Л. 12.

¹⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Ед. хр. 503. Л. 589, 591, 631.

²⁰ Там же. Л. 629-630.

²¹ РГВИА. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 1862. Л. 26-27, 38.

²² АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Ед. хр. 1266. Л. 8-9, 27-28.

²³ РГВИА. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 1881. Л. 1-2.

Таблица 2

Эволюция денежного довольствия офицеров российских гарнизонных войск
в 1711–1794 гг. (в пересчете на сутки)

Table 2

The evolution of the monetary allowance of officers of the Russian garrison troops
in 1711–1794 (in conversion to one day)

№ п/п	Год принятия штатного расписания	Размер довольствия (коп.)					
		Полковник	Подполковник	Майор	Капитан	Поручик	Прапорщик
1	2	3	4	5	6	7	8
1	1711 г.	41	21	19	14	11	7
2	1720 г.	55	33	27	17	11	8
3	1764 г.	110	55	55	37	22	19
4	1794 г.	110	55	55	42	27	24

Источники: Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 1-е. Т. 4. № 2319, 2474; Т. 6. № 3511; Т. 16. № 11735, 12135; Т. 19. № 13649; Т. 23. № 17229; Т. 43. № 11990, 13390.

церам в Пруссии выдавалась примерно такая же сумма²⁴;

б) размер денежного довольствия польского офицера (15 коп.) мы находим вполне справедливым, в том числе и в сравнении с польским солдатом (3 коп.);

в) сохранение османским обер-офицерам минимального пособия на уровне предыдущей Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. (5 коп.), на первый взгляд, вызывает недоумение. Особенно если учесть, что жалование офицеров российских гарнизонных войск за это время выросло вдвое (стр. 2–3 табл. 2). Однако здесь нужно иметь в виду, что, в отличие от пленных иной государственной принадлежности, турки могли, как и прежде, получать ежедневные «микрозаймы» в сумме до 6 коп., обеспечивались обмундированием за счет российской казны и интернировались тогда главным образом в г. Владимир, где им выдавалось как минимум по 10 коп. в день²⁵.

Обобщая изложенное, мы приходим к выводу, что важнейшими достижениями второго этапа стали: дифференциация денежного довольствия пленников по различным основаниям, стремление российских властей к

соблюдению принципов взаимности и справедливости, а также опора на нормы двухстороннего соглашения (пусть даже и многократная). Вместе с тем на данном этапе не были выработаны единые критерии определения размеров офицерского жалования, что давало простор субъективному усмотрению должностных лиц и отчасти способствовало неодинаковому подходу к пленным различной государственной принадлежности.

3. Что касается третьего этапа (стр. 9 и 10 табл. 1), то вооруженный конфликт с Османской империей (1787–1791 гг.) в интересующем нас отношении не представляет из себя ничего примечательного. Конечно, в абсолютном выражении размер офицерских пособий тогда существенно возрос. Однако это стало следствием лишь падения курса ассигнационного рубля. Другое дело – Русско-шведская война 1788–1790 гг., которой по ряду причин фактически руководила сама Екатерина II. Как следствие, государыня уже 1 августа 1788 г. распорядилась довольствовать шведов деньгами «по чинам их против гарнизонных окладов»²⁶ (насколько нам известно, это решение было принято без согласования с Военной коллегией и ее главой кн. Г.А. Потемкиным). Другими словами, российская императрица одной из первых в Ев-

²⁴ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Ед. хр. 90. Л. 379; РГВИА. Ф. 27. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 365.

²⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 67. Ед. хр. 5951. Л. 106–107; РГВИА. Ф. 44. Оп. 1/193. Ед. хр. 15. Л. 4; ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Т. 19. № 13839.

²⁶ ГАПО. Ф. 74. Оп. 1. Ед. хр. 298. Л. 14, 18.

ропе приравняла пленного офицера к офицеру собственных войск (стр. 3 табл. 2), чем (к слову) на 4 года опередила Конвент революционной Франции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщая изложенное, мы приходим к следующему выводу.

1. В XVIII веке в странах Запада довольствие офицеров противника из бюджета держащей в плену державы прошло путь от удовлетворения первоочередных потребностей немногих лиц из числа особо нуждающихся до регулярной и ничем не обусловленной выдачи абсолютно всем пленникам постоянного денежного пособия, равного минимальному жалованию военнослужащих того же ранга собственной армии.

2. Западную модель отличали системность и последовательность развития, а также высокий уровень правовой регламентации, основанной преимущественно на нормах двухсторонних договоров.

3. Россия вошла в XVIII век, имея вполне работоспособную модель безусловного

материального обеспечения всех пленных офицеров. Как представляется, последняя не нуждалась в радикальных преобразованиях, что подтверждают и безуспешные попытки ее реформирования, и сам факт возврата к ней уже в середине столетия.

4. Порядок и правила довольствия офицеров в России основывались главным образом на нормах национального законодательства; в той или иной степени сохраняли элементы патернализма; не всегда отличались универсальностью в подходах к офицерам различной государственной принадлежности и зачастую предусматривали получение пленником из бюджета как поденного жалования, так и разного рода займов и единовременных пособий.

5. Несмотря на отдельные неудачи, связанные главным образом с чрезмерной абсолютизацией принципа «пленный офицер содержит себя за свой счет», российская модель материального обеспечения пленников развивалась параллельно с западной, а в некоторых вопросах и опережала ее.

Список источников

1. Дуров И.Г. О положении российских и шведских военнопленных в период Северной войны 1700–1721 гг. // Военно-исторический журнал. 2006. № 2. URL: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Dyrov_07.pdf (дата обращения: 25.06.2022).
2. Шебалдина Г.В. Заложники Петра I и Карла XII: повседневный быт пленных во время Северной войны. М.: Ломоносовъ, 2014. 186 с.
3. Abell F. Prisoners of War in Britain 1756 to 1815; a Record of Their Lives, Their Romance and Their Sufferings. L.: Oxford University Press, 1914. 464 p.
4. Moya Sordo V. Cautivos del corso español. El trato a los prisioneros durante el siglo XVIII // Cuadernos De Historia Moderna. 2019. Vol. 44. № 1. P. 159-179.
5. Karges C. Great Britain and Prisoners of War in the Spanish Succession. URL: https://www.academia.edu/39142368/Great_Britain_and_Prisoners_of_War_in_the_Spanish_Succession (accessed: 14.07.2022).
6. Blomqvist O. A Clash of Kings: States, Captives and Loyalties during the Great Northern War. Master Thesis. Stockholm: Historiska institutionen, 2014. 79 p. URL: https://www.academia.edu/43221094/A_Clash_of_Kings_States_Captives_and_Loyalties_during_the_Great_Northern_War (accessed: 14.07.2022).
7. Henriksson H. Ukrainian Cossacks and Other Prisoners of War in Sweden during the Great Northern War (1700–1721). Киев: Ін-т ист. України НАНУ, 2016. С. 247-259.
8. Martínez-Radio Garrido E.C. Los prisioneros de guerra en el siglo XVIII y la humanidad en el infortunio / Verbum. Analecta Neolatina. Budapest: Balassi Kiadó, 2016. Tom. XVII. Fasciculus 1–2. P. 18-52.
9. Martínez-Radio Garrido E.C. Españoles prisioneros y cautivos en la Inglaterra del siglo XVIII: una aproximación a su ubicación y condiciones // Revista Universitaria de Historia Militar. 2020. Vol. 9. № 18. P. 43-65.

10. Chinchilla Galarzo A. Mantener la diplomacia en tiempos de guerra: análisis de la figura del comisario de prisioneros de guerra durante la guerra anglo-hispana (1796–1801) // *Revista Universitaria de Historia Militar*. 2020. Vol. 9. № 18. P. 87-108.
11. Lázár B. Turkish captives in Hungary during Austria's Last Turkish War (1788–91) // *Hungarian Historical Review*. 2015. Vol. 4. № 2. P. 418-444.

References

1. Durov I.G. O polozhenii rossiyskikh i shvedskikh voyennoplennykh v period Severnoy voyny 1700–1721 gg. [On the position of Russian and Swedish prisoners of war during the Northern War of 1700–1721]. *Voyenno-istoricheskiy zhurnal* [Military History Journal], 2006, no. 2. (In Russian). Available at: http://www.re-enactor.ru/ARH/PDF/Durov_07.pdf (accessed 25.06.2022).
2. Shebaldina G.V. *Zalozhniki Petra I i Karla XII: povsednevnyy byt plennykh vo vremya Severnoy voyny* [Hostages of Peter I and Charles XII: Everyday Life of Prisoners during the Great Northern War.] Moscow, Lomonosov Publ., 2014, 186 p. (In Russian).
3. Abell F. *Prisoners of War in Britain 1756 to 1815; a Record of Their Lives, Their Romance and Their Sufferings*. London, Oxford University Press, 1914, 464 p.
4. Moya Sordo V. Cautivos del curso español. El trato a los prisioneros durante el siglo XVIII. *Cuadernos De Historia Moderna*, 2019, vol. 44, no. 1, pp. 159-179. (In Spanish).
5. Karges C. *Great Britain and Prisoners of War in the Spanish Succession*. Available at: https://www.academia.edu/39142368/Great_Britain_and_Prisoners_of_War_in_the_Spanish_Succession (accessed 14.07.2022).
6. Blomqvist O. *A Clash of Kings: States, Captives and Loyalties during the Great Northern War*. Master Thesis. Stockholm, Historiska institutionen, 2014, 79 p. Available at: https://www.academia.edu/43221094/A_Clash_of_Kings_States_Captives_and_Loyalties_during_the_Great_Northern_War (accessed 14.07.2022).
7. Henriksson H. *Ukrainian Cossacks and Other Prisoners of War in Sweden during the Great Northern War (1700–1721)*. Kiev, Institute of History of Ukraine NANU Publ., 2016, pp. 247-259.
8. Martínez-Radio Garrido E.C. Los prisioneros de guerra en el siglo XVIII y la humanidad en el infortunio. *Verbum. Analecta Neolatina*. Budapest, Balassi Kiadó Publ., 2016, Tom. XVII, Fasciculus 1–2, pp. 18-52. (In Spanish).
9. Martínez-Radio Garrido E.C. Españoles prisioneros y cautivos en la Inglaterra del siglo XVIII: una aproximación a su ubicación y condiciones. *Revista Universitaria de Historia Militar*, 2020, vol. 9, no. 18, pp. 43-65. (In Spanish).
10. Chinchilla Galarzo A. Mantener la diplomacia en tiempos de guerra: análisis de la figura del comisario de prisioneros de guerra durante la guerra anglo-hispana (1796–1801). *Revista Universitaria de Historia Militar*, 2020, vol. 9, no. 18, pp. 87-108. (In Spanish).
11. Lázár B. Turkish captives in Hungary during Austria's Last Turkish War (1788–91). *Hungarian Historical Review*, 2015, vol. 4, no. 2, pp. 418-444.

Информация об авторе

Познахирев Виталий Витальевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Университет «Реавиз», г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: 0000-0001-8920-7283, vvkr@list.ru

Статья поступила в редакцию 12.08.2022
Одобрена после рецензирования 07.10.2022
Принята к публикации 20.10.2022

Information about the author

Vitalii V. Poznakhirev, Candidate of History, Associate Professor of History, Humanities, Social and Economic Disciplines Department, "Reaviz" University, St. Petersburg, Russian Federation, ORCID: 0000-0001-8920-7283, vvkr@list.ru

The article was submitted 12.08.2022
Approved after reviewing 07.10.2022
Accepted for publication 20.10.2022